

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Департамент частного права

(наименование департамента полностью)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Гражданско-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)**

на тему Принцип полного возмещения убытков и его реализация в российском гражданском праве

Обучающийся

А.В. Тарасова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент И.В. Маштаков

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальной значимостью института возмещения убытков как одного из ключевых механизмов защиты гражданских прав в современном российском праве. Принцип полного возмещения убытков, закрепленный в статье 15 Гражданского кодекса Российской Федерации, является основополагающим началом гражданско-правовой ответственности и играет существенную роль в обеспечении баланса интересов участников гражданского оборота.

Цель исследования заключается в комплексном анализе теоретических и практических аспектов реализации принципа полного возмещения убытков в российском гражданском праве, выявлении существующих проблем и разработке предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Для достижения поставленной цели в рамках исследования определены следующие задачи: исследовать правовую природу и содержание принципа полного возмещения убытков; проанализировать соотношение принципа полного возмещения убытков с иными принципами возмещения вреда; изучить правовые механизмы определения и доказывания убытков; выявить особенности и ограничения применения принципа полного возмещения убытков; исследовать практические проблемы реализации данного принципа; разработать предложения по совершенствованию механизма возмещения убытков.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Общий объем работы составляет 61 страницу.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Теоретические основы принципа полного возмещения убытков в гражданском праве.....	7
1.1 Понятие и правовая природа принципа полного возмещения убытков	7
1.2 Принцип полного возмещения убытков и его соотношение с иными принципами возмещения вреда.....	14
Глава 2 Механизмы реализации и особенности применения принципа полного возмещения убытков.....	23
2.1 Правовые механизмы определения и доказывания убытков.....	23
2.2 Особенности и ограничения применения принципа полного возмещения убытков.....	29
Глава 3 Проблемы и перспективы развития института возмещения убытков в российском праве.....	38
3.1 Практические аспекты реализации принципа полного возмещения убытков: проблемы и особенности.....	38
3.2 Пути совершенствования механизма возмещения убытков.....	48
Заключение.....	55
Список используемой литературы и используемых источников.....	59

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальной значимостью института возмещения убытков как одного из ключевых механизмов защиты гражданских прав в современном российском праве. Принцип полного возмещения убытков, закрепленный в статье 15 Гражданского кодекса Российской Федерации, является основополагающим началом гражданско-правовой ответственности и играет существенную роль в обеспечении баланса интересов участников гражданского оборота.

Этот принцип отражает важнейшую идею справедливости в гражданском праве, согласно которой лицо, право которого нарушено, должно быть приведено в положение, в котором оно находилось бы при отсутствии нарушения.

В условиях развития рыночной экономики, цифровизации хозяйственной деятельности и усложнения экономических связей особую значимость приобретает эффективное функционирование механизмов возмещения убытков, способных обеспечить адекватную компенсацию имущественных потерь участников гражданского оборота. Современные экономические отношения характеризуются появлением новых форм убытков, связанных с нарушением прав в цифровой среде, упущенной выгодой в сфере информационных технологий, репутационными потерями в условиях информационного общества. При этом практическая реализация принципа полного возмещения убытков сопряжена с рядом проблем, связанных как с доказыванием размера убытков, так и с определением причинно-следственной связи между противоправным поведением и наступившими последствиями.

Особую актуальность исследованию придает необходимость совершенствования механизмов защиты прав участников гражданского оборота в условиях экономической нестабильности и внешних вызовов, когда вопросы эффективного возмещения убытков приобретают критическое

значение для поддержания устойчивости гражданского оборота и защиты экономических интересов его участников. Важность темы также обусловлена существующими противоречиями в судебной практике по вопросам определения размера убытков, оценки достоверности доказательств их возникновения и необходимостью выработки единых подходов к разрешению соответствующих споров.

Цель исследования заключается в комплексном анализе теоретических и практических аспектов реализации принципа полного возмещения убытков в российском гражданском праве, выявлении существующих проблем и разработке предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Для достижения поставленной цели в рамках исследования определены следующие задачи:

- исследовать правовую природу и содержание принципа полного возмещения убытков;
- проанализировать соотношение принципа полного возмещения убытков с иными принципами возмещения вреда;
- изучить правовые механизмы определения и доказывания убытков;
- выявить особенности и ограничения применения принципа полного возмещения убытков;
- исследовать практические проблемы реализации данного принципа;
- разработать предложения по совершенствованию механизма возмещения убытков.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации принципа полного возмещения убытков в российском гражданском праве.

Предметом исследования являются нормы гражданского права, регулирующие институт возмещения убытков.

Теоретическую основу исследования составляют труды ведущих российских цивилистов: Н.К. Афанасьевой, А.И. Белоликова,

Л.Д. Гаскаровой, С.Р. Решетняка, Д.А. Самичевой, В.М. Смакова, А.А. Хантимировой, посвященные проблемам гражданско-правовой ответственности и возмещения убытков. Нормативно-правовую основу исследования составляют Гражданский кодекс Российской Федерации.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частно-научные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, системный анализ.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические основы принципа полного возмещения убытков в гражданском праве

1.1 Понятие и правовая природа принципа полного возмещения убытков

Принцип полного возмещения убытков является одним из краеугольных камней современного гражданского права, отражающим его компенсационную природу и направленность на восстановление нарушенных прав участников гражданского оборота. Этот фундаментальный принцип прошел длительный путь исторического развития, претерпев существенные изменения под влиянием политических, экономических и социальных факторов. Комплексное понимание правовой природы данного института требует глубокого анализа как его исторической эволюции, так и современного теоретического осмысления в контексте различных научных подходов и законодательного регулирования.

Законодатель устанавливает фундаментальный принцип полного возмещения убытков в качестве одного из основополагающих начал гражданского законодательства Российской Федерации. В соответствии со статьей 15 ГК РФ: «Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере» [5]. Данное положение закрепляет общее правило о безусловном праве потерпевшей стороны на компенсацию всех понесенных потерь, что отражает компенсационную природу гражданско-правовой ответственности.

Правовая природа принципа полного возмещения убытков неразрывно связана с восстановительной функцией гражданского права и находит свое выражение в легальном определении понятия убытков: «Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или

повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)» [5]. Примечательно, что законодатель включает в состав убытков как реально понесенные потери, так и предполагаемые будущие расходы, необходимые для восстановления нарушенного права.

Особую значимость приобретает положение о том, что: «Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы» [5]. Данная норма направлена на предотвращение неосновательного обогащения нарушителя и обеспечивает справедливый баланс интересов участников гражданского оборота.

В то же время принцип полного возмещения убытков не является абсолютным, поскольку законодатель допускает возможность ограничения размера ответственности по отдельным видам обязательств или по обязательствам, связанным с определенным родом деятельности. Такие исключения могут устанавливаться как законом, так и договором, что отражает диспозитивный характер гражданско-правового регулирования и принцип свободы договора. При этом законодатель устанавливает важное ограничение: «Соглашение об ограничении или устранении ответственности за умышленное нарушение обязательства ничтожно» [5], что служит дополнительной гарантией защиты прав добросовестных участников гражданского оборота.

Принцип полного возмещения убытков находит свое развитие в специальных нормах различных институтов гражданского права, в том числе в положениях о последствиях нарушения договорных обязательств, деликтных обязательствах и защите права собственности. Таким образом, данный принцип выступает в качестве универсального способа защиты гражданских прав, обеспечивающего восстановление имущественной сферы потерпевшего

в полном объеме и стимулирующего участников гражданского оборота к надлежащему исполнению своих обязательств.

Для более глубокого понимания современного состояния принципа полного возмещения убытков необходимо проследить его историческое развитие и трансформацию в отечественном праве.

С точки зрения Е.А. Шараповой, принцип полного возмещения убытков исторически формировался под влиянием политического режима и экономических условий развития государства. Автор подчеркивает, что значительное влияние на становление данного института оказали такие исторические факторы, как возникновение права частной собственности и появление хозяйственного права при плановой экономике.

В дореволюционный период, как отмечает автор, несмотря на отсутствие законодательного закрепления составных элементов убытков в Своде законов Российской империи, в научной доктрине был обоснован принцип полного возмещения убытков. При этом Е.А. Шарапова приводит различные научные позиции того времени, в частности, «убытки включают в себя две составные части – действительный ущерб, связанный с уменьшением ценности имущества и утерянная выгода, представляющая собой уменьшение возможной ценности имущества в случае, если бы договорные обязательства были исполнены» [24, с. 38].

Значимым этапом в развитии принципа полного возмещения убытков, по мнению Е.А. Шараповой, стал советский период. Автор указывает, что в ГК РСФСР 1922 года впервые на законодательном уровне было закреплено деление убытков на реальный ущерб и упущенную выгоду, хотя до принятия кодекса право на взыскание упущенной выгоды уже признавалось правоприменительной практикой.

Исследователь обращает особое внимание на новеллы ГК РСФСР 1964 года, где было впервые сформулировано легальное определение реального ущерба через категории расходов кредитора и утраты или повреждения имущества. Е.А. Шарапова подчеркивает, что в этот период произошла замена

термина «прибыль» на «доход», что существенно повлияло на правоприменительную практику.

Современное понимание принципа полного возмещения убытков, как отмечает автор, получило закрепление в ГК РФ 1994 года. Е.А. Шарапова акцентирует внимание на том, что действующее законодательство существенно расширило толкование реального ущерба, включив в него будущие расходы, необходимые для восстановления нарушенного права.

По нашему мнению, позиция Е.А. Шараповой относительно эволюции принципа полного возмещения убытков представляется обоснованной и логически выстроенной. Автор убедительно демонстрирует постепенную трансформацию данного института от доктринального понимания к законодательному закреплению. Особенно ценным является проведенный автором анализ изменения содержательного наполнения категории реального ущерба. Вместе с тем, представляется, что исследование могло бы быть дополнено более детальным рассмотрением влияния судебной практики на формирование современного понимания принципа полного возмещения убытков, а также сравнительно-правовым анализом с зарубежными правовыми порядками, что позволило бы выявить универсальные тенденции развития данного института. По мнению С.А. Сенникова и Е.А. Храпуновой, современное развитие института возмещения убытков характеризуется появлением новых правовых конструкций, заимствованных из англо-американского права. Авторы отмечают, что «набирающий популярность в последние годы институт заранее оцененных убытков находится в одном ряду со многими другими конструкциями англо-американского права, внедренными в российское обязательственное право» [20, с. 192].

Рассмотрев историческую эволюцию принципа полного возмещения убытков, обратимся к его философско-правовому осмыслению и теоретическому обоснованию в современной цивилистической науке.

С точки зрения В.М. Смакова, правовая природа возмещения убытков исторически основывалась на идее корректирующей (коммутативной,

уравнивающей) справедливости, которая дополняла дистрибутивную (распределительную) справедливость. Автор подчеркивает, что «дистрибутивная справедливость проявляется в распределении благ за каждым лицом в определенной пропорции по его достоинству (в зависимости от уровня свободы, богатства, социального происхождения)» [17, с. 88].

По мнению В.М. Смакова, принцип полного возмещения убытков следует рассматривать шире, чем просто меру гражданско-правовой ответственности. Автор утверждает, что «случаи, когда правом возлагается обязанность по возмещению таких убытков на иных лиц, не исчерпываются лишь несением гражданско-правовой ответственности» [17, с. 87]. В своем исследовании ученый приходит к выводу, что возмещение убытков может осуществляться не только при наличии правонарушения, но и в других случаях, предусмотренных законом или договором.

В.М. Смаков развивает концепцию, согласно которой «убытки представляют собой денежные средства в заранее не определенной в числовом значении форме, которые вследствие нормы, принципа права либо положения договора в связи с имущественными неблагоприятными последствиями одного лица подлежат возмещению другим лицом, не являющимся непосредственным получателем утраченного потерпевшим имущественного блага» [17, с. 92].

Исследователь подчеркивает важность принципа «*Casum sentit dominus*», указывая, что «по общему правилу, убытки каждого составляют его личную проблему; лицо, у которого возникли такие убытки, должно нести их за свой счет» [17, с. 88-89]. При этом автор отмечает, что данный принцип не является абсолютным и может быть изменен законом или соглашением сторон.

В.М. Смаков обращает особое внимание на то, что «расширение определения убытков по сравнению с принятой парадигмой позволит к большему количеству соответствующих случаев применить общие принципы возмещения таких убытков» [17, с. 93]. Автор подчеркивает значимость

принципа полного возмещения убытков как основополагающего метода расчета компенсации имущественных потерь.

В качестве методологической основы В.М. Смаков предлагает использовать подход «подсчета разницы» или «подведения сальдо», при котором учитываются взаимные требования сторон с учетом принятых правил распределения рисков и отнесения расходов на ту или иную сторону.

По нашему мнению, позиция В.М. Смакова заслуживает поддержки в части расширительного толкования института возмещения убытков и его отграничения от исключительно мер ответственности. Такой подход позволяет более гибко применять данный институт и обеспечивать справедливый баланс интересов участников гражданского оборота. Особенно важным представляется вывод автора о необходимости учета не только противоправного поведения, но и иных оснований для возмещения убытков, предусмотренных законом или договором. Вместе с тем, требует дополнительного исследования вопрос о критериях разграничения убытков как меры ответственности и как способа распределения рисков в гражданском обороте.

От теоретического осмысления правовой природы возмещения убытков перейдем к анализу его практического значения как универсальной формы гражданско-правовой ответственности.

С точки зрения Н.К. Афанасьевой, возмещение убытков представляет собой универсальную форму гражданско-правовой ответственности, применимую во всех случаях нарушения гражданских прав. Автор подчеркивает важность определения сущности убытков в отечественном гражданском праве для установления особенностей их доказывания, отмечая при этом неоднозначность трактовок данной категории различными исследователями.

В своем исследовании Н.К. Афанасьева приводит позицию С.С. Алексеева, согласно которой «убытки – это денежное выражение и оценка того ущерба, который был причинён в результате неправомерных

действий» [2, с. 156]. Однако автор подчеркивает, что с точки зрения теории гражданского права понятие убытков следует рассматривать шире – как правовую категорию, закрепленную нормами гражданского законодательства.

Особое внимание Н.К. Афанасьева уделяет двойственной сущности убытков в отечественном гражданском праве, выделяя реальный ущерб и упущенную выгоду как составляющие элементы данной категории. При этом автор отмечает, что «если при реальном ущербе налицо уменьшение имущественной сферы потерпевшей стороны, то при упущенной выгоде эта же имущественная сфера не претерпевает каких-либо изменений, а лишь предполагает возможность увеличения, которого не произошло в действительности» [2, с. 45].

По мнению Н.К. Афанасьевой, принцип полного возмещения убытков имеет компенсационно-восстановительный, превентивный и штрафной характер. «Возмещение убытков всегда носит имущественный характер, что выражается переходом имущества или имущественных прав от одного лица, причинителя вреда, к другому лицу, потерпевшему от нарушения договорных обязательств» [2, с. 88].

По нашему мнению, позиция Н.К. Афанасьевой относительно правовой природы принципа полного возмещения убытков заслуживает поддержки. Автор убедительно обосновывает комплексный характер данного института, его функциональное назначение и место в системе гражданско-правовой ответственности. Особенно важным представляется акцент на необходимости соблюдения баланса между полнотой возмещения и недопущением неосновательного обогащения потерпевшей стороны. Вместе с тем, считаем необходимым дополнить позицию автора указанием на то, что принцип полного возмещения убытков служит не только целям восстановления нарушенных прав, но и способствует стабильности гражданского оборота в целом, стимулируя участников правоотношений к добросовестному исполнению принятых на себя обязательств.

Проведенный анализ правовой природы принципа полного возмещения убытков позволяет сделать вывод о его комплексном характере и многоаспектном значении в современном гражданском праве. Данный принцип, пройдя длительный путь исторического развития от доктринального понимания к законодательному закреплению, приобрел характер универсального способа защиты гражданских прав, сочетающего в себе компенсационную, превентивную и стимулирующую функции. Особую значимость имеет его роль в обеспечении баланса интересов участников гражданского оборота, что проявляется как в установлении общего правила о полном возмещении причиненных убытков, так и в возможности его ограничения в определенных случаях.

В современных условиях развития гражданского оборота принцип полного возмещения убытков продолжает эволюционировать, адаптируясь к новым экономическим реалиям и потребностям правоприменительной практики. При этом его фундаментальное значение как основополагающего начала гражданского законодательства остается неизменным, обеспечивая эффективную защиту нарушенных прав и законных интересов участников гражданских правоотношений. Дальнейшее развитие данного института видится в направлении совершенствования механизмов доказывания и расчета убытков, а также в поиске оптимального баланса между принципом полного возмещения и необходимостью учета специфики отдельных видов гражданских правоотношений.

1.2 Принцип полного возмещения убытков и его соотношение с иными принципами возмещения вреда

В гражданском праве вопросы возмещения убытков и установления справедливой компенсации за причиненный вред являются одними из наиболее сложных и дискуссионных. Многообразие правоотношений, в рамках которых может возникнуть необходимость возмещения убытков, а

также различные подходы к определению объема такого возмещения обуславливают актуальность исследования принципа полного возмещения убытков в его взаимосвязи с иными принципами возмещения вреда. Современная правовая доктрина и судебная практика демонстрируют тенденцию к расширению сферы применения данного принципа, что требует глубокого теоретического осмысления его природы, функций и пределов действия в различных видах правоотношений. Особую значимость приобретает анализ соотношения принципа полного возмещения убытков с такими фундаментальными принципами гражданского права, как справедливость, соразмерность и добросовестность, а также исследование механизмов их взаимодействия в целях обеспечения эффективной защиты прав участников гражданского оборота.

В рамках исследования правовой природы принципа полного возмещения убытков, О.В. Макаров детально анализирует его соотношение с иными принципами возмещения вреда в гражданском праве. С точки зрения О.В. Макарова, принцип полного возмещения убытков является общим правилом, направленным на компенсацию как реального ущерба, так и упущенной выгоды, если иное не предусмотрено законом или договором. При этом автор отмечает: «принцип полного возмещения убытков представляет собой общее правило: содержание этого правила сводится к тому, что иное может или должно быть предусмотрено в законе или договоре» [9, с. 16].

Особое внимание О.В. Макаров уделяет анализу практического применения данного принципа, подчеркивая, что договорная практика в части ограничения взыскания убытков практически отсутствует, тогда как законодательные ограничения встречаются достаточно часто. Исследователь указывает на специфику реституционных последствий, где «реституционными последствиями охватывается главным образом взыскание реального ущерба в имуществе, упущенная выгода по общему правилу не взыскивается» [9, с. 16].

В контексте соотношения принципа полного возмещения убытков с иными принципами О.В. Макаров выделяет принцип сочетания возмещения убытков с другими мерами гражданско-правовой ответственности. По мнению автора, это находит отражение в ст. 12 ГК РФ, предусматривающей различные способы защиты нарушенных субъективных гражданских прав, включая как возмещение убытков, так и взыскание неустойки и компенсацию морального вреда.

О.В. Макаров особо подчеркивает значимость принципа недопустимости отказа во взыскании убытков только на том основании, что их размер не может быть установлен с разумной степенью достоверности. Автор отмечает: «у суда нет обязанности точно устанавливать размер взыскиваемых убытков. Но у суда есть возможности по оценке различных обстоятельств и их взаимосвязи» [9, с. 16].

Исследователь акцентирует внимание на том, что принцип полного возмещения убытков тесно связан с принципом справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательств. При этом О.В. Макаров указывает на сложность определения критериев справедливости и соразмерности в гражданских правоотношениях.

По нашему мнению, позиция О.В. Макарова относительно принципа полного возмещения убытков и его соотношения с иными принципами возмещения вреда заслуживает внимания. Особенно важным представляется выделенный автором аспект недопустимости отказа во взыскании убытков лишь по причине сложности определения их точного размера. Вместе с тем, следует отметить, что исследование могло бы быть дополнено более глубоким анализом международного опыта применения принципа полного возмещения убытков и его соотношения с принципами справедливости и соразмерности в различных правовых системах. Это позволило бы сформировать более полное представление о возможных путях совершенствования российского законодательства в данной сфере.

Если О.В. Макаров рассматривает принцип полного возмещения убытков преимущественно через призму общих положений гражданского права, то Т.В. Шепель углубляет исследование, акцентируя внимание на специфике реализации данного принципа в сфере внедоговорных отношений.

В своих научных изысканиях Т.В. Шепель обращается к фундаментальным вопросам соотношения принципа полного возмещения убытков с иными принципами возмещения вреда в современном гражданском праве. Автор подчеркивает, что обязательство по возмещению убытков обладает определенными признаками, присущими обязательству из причинения вреда, среди которых ключевое место занимает принцип полного возмещения.

С точки зрения Т.В. Шепель, категория убытков является производной от понятия вреда, выступая его денежным выражением. При этом автор критически оценивает позицию тех ученых, которые разделяют эти категории, отмечая: «убытки следует квалифицировать как самостоятельную категорию, не зависящую от вреда» [25, с. 193]. Исследователь подчеркивает, что такой подход противоречит сложившейся судебной практике.

По мнению Т.В. Шепель, при возмещении внедоговорных убытков действует принцип полного возмещения, однако его реализация имеет существенные особенности по сравнению с возмещением договорного вреда. В частности, автор отмечает: «возмещение правомерного вреда не предполагает полного возмещения, что характерно для деликтной ответственности» [25, с. 190].

Принципиально важным представляется вывод Т.В. Шепель о том, что обязательство по возмещению внедоговорных убытков возникает только при правонарушении с полным составом. Автор подчеркивает: «Если правонарушения нет, отсутствуют основания для возникновения такого обязательства, и вопрос о возмещении убытков отпадает автоматически» [25, с. 194].

Исследователь обращает внимание на то, что действующее законодательство не содержит универсального подхода к реализации принципа полного возмещения убытков во внедоговорных отношениях. В связи с этим Т.В. Шепель предлагает: «переосмысление назначения института обязательств из причинения вреда, придание ему универсального характера» [25, с. 195].

С практической точки зрения особую значимость имеет предложение Т.В. Шепель о необходимости дополнения главы 59 ГК РФ параграфом о возмещении убытков, причиненных относительным имущественным правам, возникшим не из договора. Это позволило бы создать единообразный механизм реализации принципа полного возмещения убытков.

По нашему мнению, позиция Т.В. Шепель заслуживает поддержки в части необходимости унификации подходов к возмещению внедоговорных убытков. Вместе с тем представляется, что автор несколько упрощает проблему, сводя ее лишь к необходимости законодательных изменений. На наш взгляд, требуется более глубокая теоретическая проработка вопроса о пределах действия принципа полного возмещения убытков в различных видах внедоговорных обязательств, учитывающая их специфику и особые цели правового регулирования в каждом конкретном случае.

С точки зрения Е.А. Ходыревой, принцип полного возмещения убытков при одностороннем отказе наследодателя от наследственного договора не создает гарантий исполнения согласованного волеизъявления. Автор отмечает, что «установление законом обязанности по возмещению убытков как формы ответственности не может стать следствием реализации права на односторонний отказ от договора» [19, с. 345]. Исследователь предлагает применение института компенсации или возмещения потерь по аналогии со ст. 406.1 ГК РФ, что позволило бы более точно отражать правовую природу данных отношений.

Развивая теоретические положения о соотношении принципа полного возмещения убытков с иными принципами возмещения вреда,

А.А. Хантимирова обращается к анализу его практического применения в контексте относительно нового для российского права института возмещения потерь.

С точки зрения А.А. Хантимировой, принцип полного возмещения убытков в контексте возмещения потерь по ст. 406.1 ГК РФ занимает особое место в системе принципов возмещения вреда. Автор подчеркивает, что данный принцип может применяться к отношениям по возмещению потерь лишь в субсидиарном порядке, что обусловлено существенными различиями в правовой природе убытков и имущественных потерь. «Возмещение убытков является мерой гражданско-правовой ответственности, а основанием для возмещения убытков является нарушение обязательства должником» [18, с. 98].

А.А. Хантимирова развивает мысль о том, что применение принципа полного возмещения убытков к отношениям по возмещению потерь позволяет обеспечить эффективную защиту прав кредитора. При этом исследователь особо отмечает, что «возмещение убытков направлено на недопустимость неосновательного обогащения кредитора: в результате возмещения убытков кредитор не должен оказаться в положении лучше, чем он находился бы при надлежащем исполнении обязательства» [18, с. 98].

Значимым представляется вывод А.А. Хантимировой о том, что принцип полного возмещения убытков взаимодействует с принципом недопустимости неосновательного обогащения и принципом добросовестности. В своем исследовании автор указывает, что именно системное применение этих трех принципов обеспечивает точность индемнификационной защиты в отношениях по возмещению потерь.

А.А. Хантимирова обращает особое внимание на то, что принцип недопустимости неосновательного обогащения выступает гарантом защиты имущественной сферы должника. «В такой ситуации интересы должника могут быть защищены с помощью иска о взыскании неосновательного обогащения» [18, с. 98], что обеспечивает баланс интересов сторон.

Исследователь подчеркивает особую роль принципа добросовестности, который призван устранить пробелы в регулировании отношений по возмещению потерь. А.А. Хантимирова отмечает, что «кредитор обладает гораздо большими возможностями для злоупотреблений» [18, с. 98], что делает принцип добросовестности ключевым элементом системы защиты прав сторон. В дополнение к теоретическим аспектам А.А. Хантимирова анализирует процессуально-правовой механизм обеспечения точности индемнификационной защиты через призму распределения бремени доказывания между сторонами, что придает исследованию практическую значимость.

По нашему мнению, позиция А.А. Хантимировой интересна в части системного подхода к применению принципов возмещения вреда. Однако представляется, что автор несколько недооценивает самостоятельное значение принципа полного возмещения убытков в контексте возмещения потерь. Полагаем, что данный принцип может играть не только субсидиарную, но и направляющую роль при определении пределов возмещения потерь, особенно в ситуациях, когда стороны не определили твердую сумму возмещения в договоре. Кроме того, заслуживает дополнительного исследования вопрос о соотношении принципа полного возмещения убытков с принципом свободы договора в контексте возмещения потерь, который автором затронут лишь косвенно.

Анализ научных позиций ведущих исследователей позволяет заключить, что принцип полного возмещения убытков не существует изолированно, а находится в сложной системе взаимосвязей с иными принципами возмещения вреда. Его реализация в различных сферах гражданско-правового регулирования имеет существенную специфику, обусловленную как особенностями конкретных правоотношений, так и необходимостью обеспечения баланса интересов участников гражданского оборота. При этом прослеживается тенденция к расширению сферы

применения данного принципа, что требует теоретического осмысления пределов его действия и взаимодействия с другими правовыми принципами.

Представляется, что дальнейшее развитие доктрины и правоприменительной практики в области соотношения принципа полного возмещения убытков с иными принципами возмещения вреда должно идти по пути поиска оптимального баланса между различными правовыми принципами. Особое внимание следует уделить разработке четких критериев определения пределов действия принципа полного возмещения убытков в различных видах правоотношений, а также механизмов его эффективного взаимодействия с принципами справедливости, соразмерности и добросовестности. Это позволит обеспечить более эффективную защиту прав участников гражданского оборота при сохранении стабильности гражданско-правового регулирования.

Представим выводы по первой главе исследования. В результате проведенного исследования правовой природы принципа полного возмещения убытков выявлено, что данный институт прошел значительную эволюцию от доктринального понимания к полноценному законодательному закреплению, при этом сохранив свою фундаментальную роль в обеспечении баланса интересов участников гражданского оборота. Современное состояние принципа характеризуется его комплексной природой, объединяющей компенсационную, превентивную и стимулирующую функции, что находит отражение как в положениях ГК РФ, так и в актуальной судебной практике. Принципиально важным является установленное исследованием соотношение между реальным ущербом и упущенной выгодой как составляющими элементами убытков, а также выявленная тенденция к расширению толкования реального ущерба с включением в него будущих расходов, необходимых для восстановления нарушенного права.

Анализ соотношения принципа полного возмещения убытков с иными принципами возмещения вреда показал их сложную системную взаимосвязь, особенно в контексте внедоговорных отношений и нового института

возмещения потерь. Исследование выявило существенные различия в реализации принципа полного возмещения при договорном и внедоговорном вреде, а также обнаружило необходимость унификации подходов к возмещению внедоговорных убытков. Особую значимость приобретает выявленное взаимодействие принципа полного возмещения убытков с принципами справедливости, добросовестности и недопустимости неосновательного обогащения, что проявляется в установлении пределов возмещения и распределении бремени доказывания между сторонами. При этом важнейшим практическим результатом исследования стало обоснование недопустимости отказа во взыскании убытков исключительно по причине сложности определения их точного размера, что существенно расширяет возможности защиты прав участников гражданского оборота.

Глава 2 Механизмы реализации и особенности применения принципа полного возмещения убытков

2.1 Правовые механизмы определения и доказывания убытков

Правовые механизмы определения и доказывания убытков представляют собой сложную теоретико-практическую проблему, требующую комплексного научного осмысления. В современных условиях развития гражданского оборота особую актуальность приобретают вопросы эффективности существующих правовых инструментов возмещения убытков, их достаточности для защиты нарушенных прав и законных интересов участников правоотношений. Доктринальное исследование данной проблематики характеризуется многообразием подходов к пониманию сущности убытков, механизмов их определения и особенностей доказывания в судебном процессе.

С точки зрения О.П. Гурьева, ключевым элементом правового механизма определения и доказывания убытков выступает принцип полного возмещения, закрепленный в гражданском праве. Автор подчеркивает, что данный принцип требует восстановления положения субъекта в состояние, предшествующее нарушению права при нормальном течении гражданского оборота. «В гражданском праве закреплен принцип полного возмещения убытков, в соответствии с которым причиненные убытки должны быть возмещены в полном объеме» [6, с. 34].

Особое внимание О.П. Гурьев уделяет процессуальным аспектам реализации механизма возмещения убытков через судебную защиту. При этом автор акцентирует внимание на существенной проблеме – временном разрыве между моментом присуждения денежных средств и их фактическим получением взыскателем. «При принудительном исполнении судебных актов в рамках исполнительного производства, предметом исполнения которых являются денежные средства, присужденные в счет возмещения убытков, в

условиях инфляционных процессов, невозможно реальное восстановление положения субъекта» [6, с. 34].

О.П. Гурьев развивает мысль о том, что сам механизм определения убытков должен учитывать инфляционные процессы для обеспечения принципа полного возмещения. В этой связи автор анализирует институт индексации присужденных денежных сумм как инструмент, «без применения которого невозможно восстановление лица, чье право нарушено, в то положение, которое оно было до момента нарушения права» [6, с. 35].

Исследователь подчеркивает значимость обеспечительных мер при определении и взыскании убытков. «Применение обеспечительных мер должно быть обусловлено не одной лишь гарантией формально исполнить требование, содержащееся в резолютивной части решения суда, а в целом созданием таких условий при которых право лицо, обратившегося за судебной защитой, будет реально восстановлено в правах» [6, с. 36]. Автор приходит к выводу о необходимости системного подхода к определению и доказыванию убытков, при котором материально-правовые и процессуальные механизмы должны действовать согласованно для достижения цели полного возмещения причиненного вреда.

Анализируя представленную позицию О.П. Гурьева, нельзя не согласиться с его фундаментальным тезисом о необходимости обеспечения реального, а не номинального возмещения убытков через взаимосвязанные процессуальные механизмы. Однако научная концепция автора, сфокусированная преимущественно на индексации и обеспечительных мерах, оставляет без должного внимания ряд существенных аспектов проблематики определения и доказывания убытков. В частности, требует детальной теоретической проработки вопрос стандарта доказывания причинно-следственной связи между противоправным деянием и наступившими последствиями, особенно в ситуациях, когда убытки носят опосредованный характер или возникают из длящихся правоотношений. Кроме того, заслуживает отдельного исследования проблема методологии расчета

упущенной выгоды с учетом волатильности рынка и изменения рыночной конъюнктуры. Представляется, что развитие теоретических положений в указанных направлениях позволило бы существенно обогатить научную дискуссию о правовых механизмах определения и доказывания убытков.

Если О.П. Гурьев концентрирует внимание на классических аспектах определения и доказывания убытков через призму принципа полного возмещения, то современные реалии цифровизации существенно расширяют проблематику данного вопроса. В этом контексте особый интерес представляет позиция С.Л. Дегтярева и А.В. Андреева, исследующих специфику возмещения убытков в цифровой среде.

С точки зрения С.Л. Дегтярева и А.В. Андреева, возмещение убытков представляет собой универсальный и наиболее востребованный способ защиты нарушенных прав в цифровой среде. Авторы подчеркивают, что «возмещение убытков является самым универсальным, самым общим и наиболее часто встречающимся способом правовой защиты» [7, с. 36]. Особую значимость данному механизму придает его компенсационный характер и принцип полного возмещения убытков.

Существенным достижением в развитии института возмещения убытков авторы считают положение п. 5 ст. 393 ГК РФ, согласно которому «суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности» [7, с. 36]. При этом размер убытков определяется судом с учетом принципов справедливости и соразмерности.

С.Л. Дегтярев и А.В. Андреев отмечают расширение предмета доказывания при рассмотрении дел о возмещении убытков в цифровой среде. По их мнению, важнейшими вопросами становятся установление факта нарушения конкретного цифрового права и определение характера правоотношений между пострадавшим и причинителем вреда. Авторы

указывают, что «цифровизация общества ставит новые вопросы перед правоприменителями при возмещении убытков, чем существенно расширяет предмет доказывания по делу» [7, с. 36].

Особое внимание исследователи уделяют роли гражданского процессуального права в формировании новых правовых понятий через механизм доказывания. По их мнению, именно судебное доказывание, как познавательная деятельность, способствует формированию новых знаний о цифровых правах и их содержании. «Доказательственная деятельность или судебное доказывание – это всегда мыслительная деятельность, мало того, это еще и познавательная деятельность, результатом которой становится всегда получение новых знаний для всех участников процесса» [7, с. 36].

В контексте цифровизации авторы подчеркивают необходимость пересмотра подходов к оценке доказательств, особенно их допустимости и достоверности. Они прогнозируют, что «большинство из представляемых в процессе доказательств будут являться относительно «новыми» – цифровыми, что с неотвратимостью приведет к пересмотру в оценке свойств доказательств» [7, с. 36].

На наш взгляд, позиция С.Л. Дегтярева и А.В. Андреева относительно механизмов определения и доказывания убытков в цифровой среде представляется обоснованной и перспективной. Особенно важным является их акцент на необходимости развития процессуальных механизмов доказывания применительно к цифровым правам и цифровым доказательствам. Вместе с тем, полагаем, что требуется дальнейшая теоретическая разработка критериев достоверности цифровых доказательств и методологии определения размера убытков в цифровой среде. Представляется целесообразным развитие специальных процессуальных инструментов, учитывающих специфику цифровых правоотношений и особенности формирования доказательственной базы в цифровом пространстве.

Наряду с общими механизмами определения и доказывания убытков, особый интерес представляет специальный институт заранее оцененных

убытков как эффективный инструмент превентивного определения их размера. С точки зрения А.И. Белоликова, ключевым правовым механизмом определения убытков выступает институт заранее оцененных убытков, который существенно отличается от неустойки. Автор подчеркивает, что «заранее оцененные убытки из перечня элементов состава убытков, подлежащих доказыванию, устраняют только факт причинения убытков и их размер, а иногда – только размер» [3, с. 7]. При этом данную правовую категорию можно охарактеризовать как обязательство, возникающее на основании закона, осложненное договорными условиями о размере.

По мнению А.И. Белоликова, соглашение о заранее оцененных убытках не может быть формальным и должно иметь под собой предполагаемые реальные и разумные убытки. Ученый отмечает, что «критерий п. 5 ст. 393 ГК РФ о разумной степени достоверности установленного размера убытков в случае заранее оцененных убытков означает необходимость соответствия установленных соглашением размеров разумно предвидимым сторонами последствиям правонарушения» [3, с. 7].

А.И. Белоликов акцентирует внимание на том, что предметом соглашения о заранее оцененных убытках является именно размер убытков, аналогично соглашению о цене. При этом «не можем согласиться с мнением о том, что соглашение о заранее оцененных убытках может заключаться в установлении способа определения суммы убытков, без соглашения о конкретной их сумме» [3, с. 7].

Исследователь подчеркивает важность указания в соглашении конкретного правонарушения, на случай которого предусматриваются согласованные убытки. «Не должно быть общих фраз, таких как за нарушение договора..., при расторжении договора по вине должника. Иначе велик риск возложения судом на кредитора бремени доказывания реальности убытков и правомерности их размера» [3, с. 7].

А.И. Белоликов отмечает, что цена убытков аналогична цене соответствующего права требования при его уступке. «Если рассматривать

оценку вероятных убытков как цену права требования, нарушение которого влечет возмещение убытков, не возникнет сомнений в необходимости исключить вмешательство суда в корректирование согласованной сторонами цены» [3, с. 7].

С научной точки зрения, А.И. Белоликов обосновывает приоритет заранее согласованного сторонами размера убытков в твердой сумме перед фактически наступившими потерями кредитора и недопустимость судебного вмешательства в переоценку такого размера только на основании несоответствия оговоренного размера фактически понесенным убыткам.

По нашему мнению, позиция А.И. Белоликова заслуживает поддержки в части обоснования самостоятельности института заранее оцененных убытков и его отличия от неустойки. Однако представляется дискуссионным полное исключение судебного контроля за размером заранее оцененных убытков. Более обоснованным видится подход, при котором суд сохраняет возможность корректировки явно несправедливого размера убытков в исключительных случаях, когда имеет место очевидное нарушение баланса интересов сторон или злоупотребление правом. Это позволило бы сочетать принцип свободы договора с необходимостью защиты слабой стороны правоотношения.

Правовые механизмы определения и доказывания убытков представляют собой многогранную юридическую конструкцию, в которой переплетаются материально-правовые и процессуальные аспекты гражданско-правовой ответственности. Анализ различных концептуальных подходов демонстрирует эволюцию научной мысли от классического понимания принципа полного возмещения убытков к более дифференцированному подходу, учитывающему современные реалии цифровизации и договорной автономии. Особенно заслуживает внимания трансформация института доказывания: от традиционной концепции «абсолютной достоверности» к признанию необходимости определения размера убытков с «разумной степенью достоверности», что находит отражение как в нормативных конструкциях (п. 5 ст. 393 ГК РФ), так и в развитии института заранее

оцененных убытков, существенно снижающего процессуальную нагрузку на кредитора.

В перспективе развития правовых механизмов определения и доказывания убытков просматриваются две ключевые тенденции: с одной стороны, усиление договорных инструментов предварительной оценки возможных имущественных потерь, что отражает принцип диспозитивности и автономии воли участников гражданского оборота; с другой – совершенствование процессуальных механизмов работы с цифровыми доказательствами и формирование новых стандартов доказывания причинно-следственной связи в цифровой среде. Представляется, что оптимальный баланс между договорными и императивными элементами механизма определения убытков должен строиться на признании приоритета соглашения сторон с сохранением за судом функции контроля в исключительных случаях явного нарушения принципов справедливости и соразмерности, что обеспечит как эффективность частноправового регулирования, так и защиту публичных интересов.

2.2 Особенности и ограничения применения принципа полного возмещения убытков

Принцип полного возмещения убытков занимает ключевое место в системе гражданско-правовой ответственности, являясь не просто механизмом компенсации имущественных потерь, но и важнейшим инструментом обеспечения справедливости, предсказуемости и стабильности гражданского оборота. Его нормативное закрепление в статье 15 ГК РФ служит основой для широкого применения в судебной практике, но в то же время порождает множество дискуссий, связанных с его реализацией в конкретных правовых ситуациях. На первый взгляд, универсальность этого принципа позволяет восстановить нарушенное имущественное положение потерпевшей стороны, однако, как подчеркивают различные исследователи,

его применение неизбежно сопровождается рядом существенных ограничений, обусловленных как объективными правовыми рамками, так и практическими трудностями доказывания. Таким образом, глубокий анализ особенностей применения принципа полного возмещения убытков позволяет не только осмыслить существующие проблемы, но и выработать рекомендации по их преодолению в рамках действующего законодательства и правоприменительной практики. А.А. Чупраков, анализируя особенности расторжения договоров и возмещения убытков в сравнительно-правовом аспекте, указывает на различия в подходах к определению существенного нарушения договора. По мнению автора, российское право требует наличия именно «существенного» нарушения, что представляет собой «категорию, требующую судебной оценки» [22, с. 262]. Исследователь подчеркивает, что в отличие от английского права, где даже незначительное отклонение может дать основание для прекращения договора, российская модель ближе к германской системе с её требованиями обоснованности расторжения.

С точки зрения Д.А. Самичевой, принцип полного возмещения убытков является фундаментальным элементом института возмещения убытков в гражданском праве. Автор подчеркивает, что данный принцип закреплён в статье 15 ГК РФ: «Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере» [16, с. 60].

По мнению Д.А. Самичевой, существенным ограничением применения принципа полного возмещения убытков выступают обстоятельства непреодолимой силы. Исследователь отмечает, что убытки могут возникать в результате правомерных действий обеих сторон по договору, когда исполнение обязательств состоялось, но по независящим от сторон причинам не принесло ожидаемых результатов или не смогло окупить сделанных одной из сторон затрат.

Д.А. Самичева акцентирует внимание на том, что одним из главных препятствий реализации принципа полного возмещения убытков является

сложность доказывания точного размера убытков. Автор приводит знаковое решение Президиума ВАС РФ от 2011 года, согласно которому «присутствующая сложность доказывания точного размера убытков не должна понижать уровень правовой защищенности участников коммерческих отношений» [16, с. 61].

С позиции Д.А. Самичевой, существенной проблемой остается доказывание причинно-следственной связи между действием (бездействием) ответчика и возникшим ущербом. Автор отмечает, что «для установления причинно-следственной связи в конкретных делах суд по общим правилам ориентируется на принципы справедливости и существующую судебную практику, в связи с отсутствием выработанного единого подхода к установлению этой связи» [16, с. 62].

Исследователь подчеркивает, что еще одним значимым ограничением выступает необходимость доказывания вины ответчика. Д.А. Самичева указывает на то, что зачастую истцы представляют доказательства, подтверждающие только факт наличия вреда, но не доказывающие вину ответчика, ошибочно полагая, что этого достаточно для удовлетворения иска.

В заключение Д.А. Самичева приходит к выводу, что институт возмещения убытков является важнейшим механизмом обеспечения стабильности гражданских правоотношений, который требует дальнейшего совершенствования для полноценной реализации своих функций.

По нашему мнению, соглашаясь с позицией автора относительно необходимости совершенствования института возмещения убытков, следует отметить, что снижение стандарта доказывания причинно-следственной связи, предлагаемое Д.А. Самичевой, может привести к злоупотреблениям со стороны недобросовестных участников гражданского оборота. Представляется более целесообразным развитие института судебной экспертизы и выработка единообразных критериев установления причинно-следственной связи при рассмотрении споров о возмещении убытков. Это

позволит сохранить баланс между защитой прав потерпевшей стороны и предотвращением необоснованного привлечения к ответственности.

По мнению Н.Е. Чепуриной, принцип полного возмещения убытков в сфере финансовых услуг имеет свои особенности, поскольку «суды оставляют без удовлетворения данные требования» при рассмотрении дел о взыскании неустойки, руководствуясь принципами соразмерности и справедливости [21, с. 181]. Автор подчеркивает, что суды отмечают необходимость избежания чрезмерной и необоснованной неустойки, особенно если потребитель не доказал реального ущерба или его размер несоизмерим с заявленными требованиями.

В свою очередь, позиция Д.Е. Еременко раскрывает специфику применения данного принципа в особом контексте – недействительных сделок. Его подход демонстрирует, что универсальность принципа не отменяет необходимости дифференциации в зависимости от правовой природы нарушенного обязательства и особенностей фактической ситуации.

С точки зрения Д.Е. Еременко, принцип полного возмещения убытков при недействительности сделок имеет существенные особенности и ограничения в применении, обусловленные спецификой данного института гражданского права. Автор подчеркивает, что возмещение убытков выступает в качестве дополнительного последствия недействительности сделок, когда «применение общих и специальных последствий недействительных сделок не позволяет в полной мере достичь цели восстановления положения сторон до сделки» [8, с. 24].

Значимым аспектом в понимании особенностей возмещения убытков, по мнению Д.Е. Еременко, является их связь с недействительностью сделки. Автор отмечает существующую в доктрине дискуссию относительно происхождения убытков, приводя различные точки зрения. Так, «О.В. Гутников считает, что в ряде случаев обязанность возмещать убытки является следствием не самого факта совершения недействительной сделки, а исполнения по ней» [8, с. 24].

Д.Е. Еременко особо выделяет проблему правовой природы возмещения убытков при недействительности сделок. Автор приходит к выводу, что данный институт представляет собой форму внедоговорной ответственности, которая, однако, не тождественна деликтной. В подтверждение своей позиции он приводит мнение Ф.С. Хейфеца о том, что «при деликтной ответственности убытки возмещаются в полном объёме, а при недействительной сделке упущенная выгода чаще всего не возмещается» [8, с. 25].

Существенное внимание Д.Е. Еременко уделяет вопросу объема возмещаемых убытков. Исследователь указывает, что в большинстве случаев возможно возмещение только реального ущерба, а размер убытков связан со степенью нарушения принципа добросовестности. Автор соглашается с позицией А.В. Мякининой, отмечая, что «ограничение размера взыскиваемых убытков предопределяется спецификой определенных гражданско-правовых отношений и не может устанавливаться законодателем произвольно» [8, с. 26].

В современной судебной практике Д.Е. Еременко отмечает тенденцию к применению общих положений ст. 15 ГК РФ даже в тех случаях, когда возмещение убытков прямо не предусмотрено параграфом о недействительности сделки. Автор критически оценивает данную практику, указывая на необходимость установления четкой связи между возникшими убытками и фактом заключения недействительной сделки.

Анализируя предложения по совершенствованию правового регулирования, Д.Е. Еременко не поддерживает идею закрепления общей нормы о возмещении убытков как последствия недействительности сделок, аргументируя это тем, что «сфера применения данного последствия недействительности сделок после реформы 2013 года была расширена до предела» [8, с. 26].

По нашему мнению, позиция Д.Е. Еременко относительно особенностей и ограничений применения принципа полного возмещения убытков при недействительности сделок представляется обоснованной и заслуживающей внимания. Особенно важным видится его вывод о внедоговорной природе

такой ответственности и необходимости дифференцированного подхода к определению объема возмещаемых убытков. Вместе с тем, представляется, что автор мог бы уделить больше внимания анализу конкретных критериев установления причинно-следственной связи между недействительностью сделки и возникшими убытками, что имеет существенное практическое значение для правоприменительной деятельности.

Работа Л.Д. Гаскаровой и Д.А. Давудова обращает внимание на современные вызовы, возникающие в связи с цифровизацией экономики и ростом значения агрегаторов услуг. Здесь принцип полного возмещения убытков приобретает новые черты, требуя адаптации как на уровне теории, так и в правоприменении.

С точки зрения Л.Д. Гаскаровой и Д.А. Давудова, принцип полного возмещения убытков в контексте гражданско-правовой ответственности агрегаторов услуг представляет собой фундаментальный механизм защиты прав потерпевшей стороны. Авторы подчеркивают, что данный принцип направлен на восстановление имущественного положения кредитора до состояния, в котором он находился бы при отсутствии правонарушения.

Существенным аспектом в работе выступает позиция авторов относительно структуры убытков. «Убытки включают в себя реальный ущерб и упущенную выгоду. Реальный ущерб понимается как расходы, которые кредитор понес или понесет для восстановления нарушенного права, а также как утрата или повреждение его имущества» [4, с. 148]. Данное положение особенно актуально в контексте деятельности агрегаторов услуг, где характер причиненного ущерба может быть многоаспектным.

В исследовании особое внимание уделяется вопросу упущенной выгоды как составляющей полного возмещения убытков. «Упущенная выгода представляет собой те доходы, которые кредитор мог бы получить при разумных затратах на их получение в обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено» [4, с. 148]. Авторы

акцентируют внимание на необходимости учета всех потенциальных доходов при определении размера компенсации.

Л.Д. Гаскарова и Д.А. Давудов отмечают, что правообладатель имеет право требовать от агрегатора услуг возмещения всех понесенных убытков при соблюдении условий, предусмотренных законодательством. Это положение подчеркивает комплексный характер ответственности агрегаторов и необходимость учета всех аспектов причиненного вреда.

Важным аспектом является рассмотрение авторами взаимосвязи между противоправным поведением и возникновением убытков. Ученые подчеркивают, что «причинная связь признается действительной, если событие является основной и непосредственной причиной возникновения вреда» [4, с. 149]. Это положение имеет принципиальное значение при определении объема ответственности агрегатора.

По нашему мнению, соглашаясь с позицией авторов, следует отметить, что принцип полного возмещения убытков в контексте деятельности агрегаторов услуг требует дальнейшего развития и конкретизации. Особенно это касается методики расчета упущенной выгоды в цифровой среде и определения причинно-следственной связи между действиями агрегатора и возникшими убытками. Представляется целесообразным разработать специальные критерии оценки размера убытков, учитывающие специфику деятельности агрегаторов услуг в цифровом пространстве и особенности их взаимодействия с пользователями и правообладателями.

В обобщении представленных точек зрения становится очевидным, что, несмотря на формальную универсальность, принцип полного возмещения убытков не является абсолютным и безусловным. Его применение всегда сопряжено с контекстом: будь то форс-мажор, специфика недействительной сделки или особенности цифрового правонарушения. Тем самым подтверждается мысль о необходимости гибкого, но при этом строго обоснованного подхода к реализации данного принципа. Одностороннее стремление к расширению гарантий для потерпевших может вступить в

противоречие с задачами правовой определенности и добросовестного поведения участников оборота.

Следовательно, развитие института полного возмещения убытков должно опираться не только на расширение прав потерпевших, но и на создание надежных методик доказывания, единых критериев оценки убытков, а также эффективных процедур установления причинной связи. Только такой системный подход позволит обеспечить баланс интересов сторон, сохранить стимулирующую функцию гражданско-правовой ответственности и адекватно реагировать на вызовы современной правовой и экономической среды.

Представим выводы по второй главе исследования. Проведенное исследование правовых механизмов определения и доказывания убытков выявляет фундаментальные проблемы реализации принципа полного возмещения в гражданском праве России. Центральным вопросом остается обеспечение не номинального, а реального восстановления имущественного положения потерпевшего, что требует согласованного функционирования материально-правовых и процессуальных институтов. Особенно актуальными становятся процессуальные инструменты, компенсирующие разрыв между моментом присуждения денежных средств и их фактическим получением в условиях инфляции, включая институт индексации присужденных сумм и применение обеспечительных мер. Современные вызовы цифровизации существенно усложняют проблематику, приводя к расширению предмета доказывания и необходимости формирования новых критериев достоверности цифровых доказательств. Механизм заранее оцененных убытков, в отличие от неустойки, представляет собой эффективный инструмент превентивного определения размера потерь, устраняющий необходимость доказывания их размера, однако вопрос о пределах судебного контроля за справедливостью таких оценок остается дискуссионным.

Принцип полного возмещения убытков, несмотря на его формальную универсальность, имеет существенные ограничения в применении, обусловленные как объективными правовыми факторами, так и сложностями

доказывания. Важнейшими барьерами выступают необходимость установления причинно-следственной связи между правонарушением и убытками при отсутствии единых критериев такой связи, а также обязанность доказывания вины нарушителя. Особую специфику имеет применение данного принципа при недействительности сделок, где возмещение убытков выступает как внедоговорная ответственность, отличная от деликтной, и часто ограничивается только реальным ущербом. В контексте деятельности агрегаторов услуг и других субъектов цифровой экономики необходима разработка специальных методик расчета убытков, учитывающих многоаспектный характер возможного ущерба. Эволюция института возмещения убытков демонстрирует движение от требования абсолютной достоверности к признанию разумной степени достоверности при определении их размера, что находит отражение как в законодательстве (п. 5 ст. 393 ГК РФ), так и в судебной практике. Оптимальный баланс в данной сфере должен строиться на признании приоритета договорных механизмов с сохранением за судом функции контроля в исключительных случаях нарушения принципов справедливости.

Глава 3 Проблемы и перспективы развития института возмещения убытков в российском праве

3.1 Практические аспекты реализации принципа полного возмещения убытков: проблемы и особенности

Принцип полного возмещения убытков, являясь одним из фундаментальных начал гражданского права России, в современной правовой действительности сталкивается с серьезными вызовами при его практической реализации. Множественность подходов к определению состава возмещаемых убытков, сложности в установлении их точного размера, а также неоднозначная судебная практика создают существенные препятствия для эффективной защиты прав потерпевших. Особую актуальность приобретает анализ актуальной судебной практики высших судебных инстанций, формирующих концептуальные подходы к толкованию принципа полного возмещения убытков в различных контекстах правоприменения.

Рассматривая вопрос о практической реализации данного принципа, прежде всего следует обратиться к позиции Конституционного Суда РФ по вопросу возмещения расходов на платное лечение в контексте причинения вреда здоровью.

Анализируя вопрос практической реализации принципа полного возмещения убытков в российской правовой системе, особого внимания заслуживает позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 31 января 2025 г. № 4-П. В рассматриваемом деле заявитель оспаривал конституционность положений статьи 1085 ГК РФ в контексте возмещения расходов на платное лечение при наличии возможности получения бесплатной медицинской помощи в рамках ОМС [14].

Фабула дела заключается в следующем: гражданину Р.В. Ромаданову при оказании платных стоматологических услуг был причинен вред здоровью в виде перелома нижней челюсти, потребовавший дополнительного лечения.

Пострадавший самостоятельно оплатил операцию с использованием титановых пластин, хотя имел возможность получить медицинскую помощь по программе ОМС. Суды нижестоящих инстанций отказали в возмещении расходов на платное лечение, мотивируя это наличием у заявителя права на бесплатную медицинскую помощь.

Конституционный Суд РФ выявил существенную проблему в правоприменительной практике: суды, опираясь на буквальное толкование п. 1 ст. 1085 ГК РФ, зачастую ограничиваются лишь установлением факта наличия у потерпевшего права на получение бесплатной медицинской помощи, не учитывая эффективность и сроки ее оказания. Такой подход фактически вынуждает пострадавших пользоваться только теми методами лечения, которые предусмотрены программой ОМС, даже если существуют более эффективные варианты, соответствующие клиническим рекомендациям.

Особое значение в контексте рассматриваемой проблемы приобретает вопрос баланса интересов сторон правоотношений. КС РФ подчеркнул, что когда вред причинен при оказании платной медицинской услуги организацией, несущей профессиональный и предпринимательский риски, отказ в возмещении расходов на платное лечение только на основании наличия возможности получить бесплатную помощь нарушает этот баланс. Суд особо отметил, что здоровье человека представляет собой наиболее существенную ценность в сравнении с материальными благами.

В результате рассмотрения дела Конституционный Суд сформулировал важную правовую позицию: положения п. 1 ст. 1085 ГК РФ не могут служить основанием для отказа в возмещении разумных и обоснованных расходов на платное лечение, если ожидание бесплатной помощи может существенно ухудшить прогноз состояния здоровья, увеличить время восстановления, либо если платный метод лечения более эффективен по индивидуальным медицинским показаниям. Данное толкование существенно расширяет возможности защиты прав пострадавших и способствует более полной

реализации принципа полного возмещения убытков в сфере возмещения вреда здоровью.

Анализируя ситуацию с возмещением расходов на платное лечение, Конституционный Суд РФ сформировал принципиально новый подход к толкованию положений ст. 1085 ГК РФ, существенно расширив возможности защиты прав пострадавших. Особую ценность представляет выявленная Судом проблема формального подхода нижестоящих судов, не учитывающих индивидуальные обстоятельства каждого конкретного случая.

Логическим продолжением исследования практических аспектов реализации принципа полного возмещения убытков является рассмотрение проблемы определения обоснованной стоимости восстановительного ремонта, возникающей при причинении вреда имуществу.

В качестве иллюстративного примера реализации принципа полного возмещения убытков показательно дело, рассмотренное Арбитражным судом Центрального округа, где предметом спора стало возмещение ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, в части, превышающей страховое возмещение [13].

В рассматриваемом деле Администрация города Джанкой обратилась с иском к ООО «Ваш помощник» о взыскании убытков в размере 430 998,31 рублей, составляющих разницу между фактически понесенными затратами на восстановительный ремонт поврежденного автомобиля и полученным страховым возмещением. Особенность данного случая заключается в том, что истец, будучи муниципальным органом, был обязан определять исполнителя ремонтных работ через процедуру государственных закупок, что существенно повлияло на итоговую стоимость восстановительного ремонта.

Данное дело демонстрирует важную проблему при реализации принципа полного возмещения убытков – сложность определения обоснованной стоимости восстановительного ремонта. Несмотря на проведение двух судебных экспертиз, эксперты не смогли однозначно установить объем повреждений без физического осмотра автомобиля,

особенно в отношении сложных узловых механизмов, повреждения которых могли быть выявлены только при детальной диагностике.

Примечательно, что суд занял позицию защиты интересов потерпевшей стороны, признав обоснованным возмещение расходов на ремонт в размере, определенном по результатам проведения электронного аукциона, несмотря на то, что данная сумма значительно превышала экспертные оценки стоимости восстановительного ремонта. Суд учел специфику положения истца как муниципального органа, который ограничен в выборе способов определения исполнителя работ и формирования их стоимости законодательством о государственных закупках.

Данное судебное решение формирует важный прецедент в практике применения принципа полного возмещения убытков, показывая, что при определении размера возмещения необходимо учитывать не только рыночную стоимость восстановительного ремонта, но и особенности правового положения потерпевшей стороны, которые могут влиять на порядок и стоимость восстановления поврежденного имущества. Это особенно актуально для случаев, когда потерпевшей стороной выступают публично-правовые образования, действующие в рамках специального правового регулирования.

Рассмотренный Арбитражным судом Центрального округа случай возмещения ущерба, причиненного в результате ДТП, демонстрирует важный аспект реализации принципа полного возмещения убытков – необходимость учета правового статуса потерпевшего. Особенно ценным является сформированный подход к определению размера возмещения с учетом законодательных ограничений, накладываемых на потерпевшую сторону.

Продолжая исследование практических проблем реализации принципа полного возмещения убытков, необходимо обратить внимание на сложности определения состава возмещаемых убытков в ситуациях, когда восстановительные работы проводятся силами штатных сотрудников потерпевшей организации.

В контексте исследования практических аспектов реализации принципа полного возмещения убытков показательным является дело, рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации, связанное с возмещением убытков в порядке суброгации. Фабула дела касается железнодорожной аварии, произошедшей вследствие некачественного ремонта колесной пары, что привело к сходу 11 вагонов и повреждению инфраструктуры ОАО «РЖД». Страховая компания АО «СОГАЗ», выплатившая страховое возмещение, обратилась с требованием о взыскании убытков с компании-причинителя вреда [11].

Принципиальное значение в данном деле имеет проблема определения состава убытков, подлежащих возмещению. Суды нижестоящих инстанций, частично удовлетворяя требования страховщика, исключили из состава возмещаемых убытков расходы на оплату труда работников, привлеченных к аварийно-восстановительным работам, а также связанные с этим социальные отчисления и накладные расходы, квалифицировав их как текущие плановые затраты организации. Данный подход демонстрирует существующую в правоприменительной практике проблему неоднозначного толкования принципа полного возмещения убытков в отношении расходов на оплату труда штатных сотрудников.

Особую научную значимость представляет позиция АО «СОГАЗ», обосновывающая необходимость включения в состав убытков затрат на оплату труда работников через призму экономической сущности заработной платы как эквивалента стоимости полезного действия работника. Аргументация строится на том, что при привлечении работников к аварийно-восстановительным работам организация лишается того положительного результата, который получила бы от их обычной трудовой деятельности, что формирует реальный убыток.

Рассматриваемое дело выявляет системную проблему в правоприменительной практике, связанную с отсутствием единообразного подхода к определению состава возмещаемых убытков в ситуациях, когда

восстановительные работы производятся силами штатных сотрудников потерпевшей стороны. При этом особое значение приобретает вопрос разграничения текущих (плановых) расходов организации и дополнительных затрат, обусловленных непосредственно причинением вреда.

Научный анализ данного судебного акта позволяет сделать вывод о необходимости выработки четких критериев определения состава возмещаемых убытков в подобных ситуациях. Представляется, что ключевым фактором должна выступать причинно-следственная связь между противоправным деянием и возникновением соответствующих расходов, а не их формальная квалификация как текущих или внеплановых затрат. Такой подход в большей степени соответствует сущности принципа полного возмещения убытков, закрепленного в статьях 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Анализ позиции Верховного Суда РФ по делу о возмещении убытков в порядке суброгации после железнодорожной аварии выявляет существенную проблему в правоприменительной практике – отсутствие единообразного подхода к определению состава возмещаемых убытков. Особую научную ценность представляет вопрос о включении в состав убытков затрат на оплату труда штатных сотрудников, привлеченных к аварийно-восстановительным работам. Не менее важной проблемой при реализации принципа полного возмещения убытков является определение размера убытков при защите прав потребителей, особенно в случаях последующей перепродажи товара ненадлежащего качества. В контексте исследования практических аспектов реализации принципа полного возмещения убытков особый интерес представляет дело, рассмотренное Верховным Судом РФ, которое наглядно демонстрирует сложности применения данного принципа при защите прав потребителей [12]. В рамках данного дела рассматривался спор между потребителем и производителем автомобиля о взыскании разницы в стоимости товара ненадлежащего качества, где ключевым аспектом стал вопрос определения размера убытков при смене собственника товара.

Существенным вкладом данного судебного акта в развитие правоприменительной практики является формирование позиции о том, что последующие покупатели товара должны быть поставлены в равное положение с первоначальным потребителем при взыскании с изготовителя разницы в стоимости товара. Верховный Суд РФ особо подчеркнул, что разница между ценой, по которой приобрел товар первый потребитель, и ценой его последующей перепродажи не имеет значения для определения размера убытков последнего потребителя, вынужденного возвратить некачественный товар изготовителю.

Анализируемое дело выявило существенную проблему в правоприменительной практике – отсутствие единообразного подхода к определению размера убытков при возврате товара ненадлежащего качества в случаях, когда товар был перепродан. Нижестоящие суды допустили ошибку, учитывая при расчете убытков разницу между суммой возврата производителем и ценой приобретения товара последующим покупателем, что противоречит принципу полного возмещения убытков.

Особую научную ценность представляет сформулированная Верховным Судом РФ правовая позиция о том, что любой способ расчетов с потребителем должен приводить к тому, чтобы полученная сумма в счет возврата уплаченных за некачественный товар денежных средств и в счет разницы в его текущей цене соответствовала цене товара на момент добровольного удовлетворения требований потребителя либо на момент вынесения решения суда.

Данное судебное решение также актуализирует проблему определения рыночной стоимости товара при расчете убытков, указывая на необходимость четкой мотивировки выбора конкретной стоимости из нескольких представленных в экспертном заключении вариантов. Это имеет существенное значение для развития методологии расчета убытков в подобных делах и требует дальнейшего научного осмысления для формирования единообразной судебной практики.

Рассмотренный судебный акт позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования механизмов определения размера убытков при защите прав потребителей, особенно в случаях последующей перепродажи товара. Представляется целесообразным разработать более четкие критерии определения рыночной стоимости товара для целей расчета убытков, что позволит обеспечить более эффективную реализацию принципа полного возмещения убытков в подобных ситуациях.

Прецедентная позиция Верховного Суда РФ относительно определения размера убытков при возврате товара ненадлежащего качества в случаях, когда товар был перепродан, формирует новый подход к защите прав последующих покупателей. Принципиальным является тезис о том, что любой способ расчетов с потребителем должен приводить к полному возмещению его потерь.

Завершая анализ практических аспектов реализации принципа полного возмещения убытков, целесообразно обратиться к доктринальному осмыслению данной проблематики, представленному в работах современных исследователей.

С точки зрения О.А. Морозова, принцип полного возмещения убытков, закрепленный в статье 15 ГК РФ, в современной правовой действительности претерпевает существенные изменения в части его практической реализации. Автор подчеркивает, что «до недавнего времени взыскание убытков в России было практически нереализуемой задачей» [10, с. 25], что было обусловлено чрезмерно высокими требованиями судов к стандартам доказывания как размера убытков, так и причинно-следственной связи между противоправным поведением и возникшими убытками.

О.А. Морозов отмечает существенный поворот в судебной практике после принятия ключевых разъяснений высших судебных инстанций. В частности, автор указывает на то, что «теперь достаточно, чтобы размер убытков был установлен с разумной степенью достоверности; нельзя отказать в удовлетворении требования о возмещении убытков только на том основании,

что их точный размер невозможно установить» [10, с. 25]. Данное изменение существенно либерализовало процесс доказывания убытков.

По мнению О.А. Морозова, особую сложность представляет установление причинно-следственной связи при возникновении деликта. Автор подчеркивает, что «поскольку стороны договора связаны обязательственными отношениями, основанными на определенных ожиданиях, при отсутствии надлежащего исполнения сравнительно просто продемонстрировать, как нарушены эти ожидания» [10, с. 25]. При этом во внедоговорных отношениях данный процесс значительно усложняется.

О.А. Морозов акцентирует внимание на том, что принцип справедливости и соразмерности ответственности играет ключевую роль при определении размера убытков. Автор отмечает, что «убытки – категория оценочная, и в каждом деле имеется субъективная доля усмотрения судьи, который будет с учетом всех имеющихся в деле обстоятельств оценивать сумму убытков, подлежащих возмещению» [10, с. 25].

Существенное внимание О.А. Морозов уделяет вопросу доказывания отсутствия факта нарушения договора ответчиком. С его точки зрения, «установление факта отсутствия нарушения договорного обязательства со стороны ответчика является трудной задачей, требующей детального, исчерпывающего изучения обстоятельств дела» [10, с. 25]. При этом автор подчеркивает необходимость активной позиции в процессе доказывания.

В качестве итога О.А. Морозов констатирует, что «после принятия поправок в ГК РФ и опубликования разъяснений высших судебных инстанций практика стала формироваться совершенно иным образом, чем это было прежде» [10, с. 25], что существенно изменило подходы к реализации принципа полного возмещения убытков.

По нашему мнению, соглашаясь с позицией О.А. Морозова относительно либерализации процесса доказывания убытков, необходимо отметить, что данные изменения, безусловно, способствуют более эффективной защите прав потерпевшей стороны. Однако представляется, что

необходимо дальнейшее совершенствование механизмов определения размера убытков, особенно в части упущенной выгоды, поскольку существующие подходы не всегда позволяют обеспечить справедливый баланс интересов сторон. Кроме того, заслуживает поддержки позиция автора о необходимости индивидуального подхода к каждому делу с учетом всех фактических обстоятельств и имеющихся доказательств.

Е.Г. Шадрина, исследуя проблемы возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов предварительного следствия, обращает внимание на недостаточную реализацию принципа полного возмещения убытков в данной сфере. Автор констатирует, что «применение ст. 395 ГК РФ при определении размера причиненного ущерба реабилитированному лицу будет отвечать принципу генерального деликта» [23, с. 329]. По мнению исследователя, существующая судебная практика, избегающая применения норм о процентах за пользование чужими денежными средствами при возмещении ущерба от неправомерных действий государственных органов, противоречит фундаментальному принципу полного возмещения убытков.

Проведенный анализ практических аспектов реализации принципа полного возмещения убытков позволяет сделать вывод о наличии системных проблем, требующих комплексного решения. В частности, наблюдается отсутствие единообразного подхода к определению состава возмещаемых убытков, сложности в установлении их точного размера, а также противоречивая судебная практика по вопросам определения причинно-следственной связи между противоправным деянием и возникшими убытками. Особую сложность представляют случаи, когда в роли потерпевшей стороны выступают публично-правовые образования или юридические лица со специфическим правовым статусом, а также ситуации, связанные с перепродажей товара ненадлежащего качества.

Несмотря на отмеченные проблемы, анализ последних судебных актов высших судебных инстанций демонстрирует позитивную тенденцию к более

широкому толкованию принципа полного возмещения убытков в пользу потерпевшей стороны. Такой подход способствует более эффективной защите прав пострадавших и соответствует общей тенденции либерализации процесса доказывания убытков. Представляется, что дальнейшее развитие правоприменительной практики должно идти по пути формирования четких критериев определения состава и размера возмещаемых убытков с учетом специфики конкретных правоотношений и индивидуальных обстоятельств каждого дела, что позволит обеспечить справедливый баланс интересов всех участников гражданского оборота.

3.2 Пути совершенствования механизма возмещения убытков

В современных условиях развития гражданского права институт возмещения убытков играет фундаментальную роль в обеспечении защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота. Однако, несмотря на длительную историю развития данного института, механизм возмещения убытков продолжает сталкиваться с серьезными теоретическими и практическими проблемами, требующими комплексного решения. Эффективность правового регулирования в этой сфере напрямую влияет на стабильность экономических отношений и доверие участников гражданского оборота к судебной системе, что обуславливает необходимость поиска путей совершенствования существующего механизма. Проведенный анализ доктринальных источников позволяет выделить несколько ключевых направлений модернизации института возмещения убытков, каждое из которых представляет собой самостоятельный вектор развития нормативно-правовой базы и правоприменительной практики.

С точки зрения М.А. Аванесяна, существующая проблема определения убытков по предварительному договору требует комплексного решения, учитывающего как теоретические разработки, так и практические аспекты правоприменения. Автор подчеркивает, что в настоящее время «точечным

образом не определен законодателем, не отражен в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 №49» [1, с. 368] механизм определения и взыскания убытков по предварительному договору.

М.А. Аванесян обращает особое внимание на проблему доказывания причинно-следственной связи между убытками и нарушенным обязательством, отмечая, что «причинно-следственная связь должна быть объективной» [1, с. 368]. Автор подчеркивает важность разграничения убытков на те, которые направлены на возмещение негативного и позитивного интереса.

В развитие своей позиции М.А. Аванесян указывает на необходимость дифференцированного подхода к определению методики расчета убытков. В частности, автор поддерживает концепцию разделения предварительных договоров на «сильные» и «слабые», что позволяет применять различные методы защиты интересов сторон. «По слабому предварительному договору возмещаются убытки по методу защиты негативного интереса, по сильному – позитивного интереса» [1, с. 369].

Важным аспектом совершенствования механизма возмещения убытков, по мнению М.А. Аванесяна, является необходимость определения экономически эффективного способа защиты интересов пострадавшей стороны. Автор отмечает, что «представляется экономически неэффективным защита негативного интереса стороны» [1, с. 369], указывая на необходимость развития правоприменительной практики в направлении защиты позитивного интереса.

М.А. Аванесян предлагает «определить механизм, который наилучшим образом бы обеспечивал экономическую защиту потерпевшей стороны касательно возмещения убытков по предварительному договору» [1, с. 369]. Автор подчеркивает необходимость формулирования методики, которая позволила бы объективно и в полной мере возмещать убытки потерпевшей стороне предварительного договора.

В целом, М.А. Аванесян придерживается позиции о необходимости дальнейшего развития доктринальных положений в области возмещения убытков по предварительному договору, с последующим их внедрением в правоприменительную практику.

По нашему мнению, подход М.А. Аванесяна к совершенствованию механизма возмещения убытков по предварительному договору содержит ряд перспективных идей, особенно в части экономического обоснования защиты позитивного интереса сторон. Вместе с тем, предложенная автором концепция дифференциации предварительных договоров на «сильные» и «слабые» представляется излишне упрощенной и не учитывающей всю сложность договорных отношений в современном гражданском обороте. В частности, сама возможность четкого разграничения предварительных договоров по критерию их «силы» вызывает обоснованные сомнения, поскольку в реальной практике степень определенности будущих договорных отношений часто носит комплексный характер и зависит от множества факторов. Более продуктивным видится развитие гибкого механизма определения убытков, основанного на тщательном анализе конкретных обстоятельств дела, характера нарушенного обязательства и фактически понесенных сторонами потерь. Такой подход позволил бы судам более эффективно защищать права добросовестной стороны предварительного договора, не ограничиваясь формальным применением заранее установленных моделей возмещения убытков.

Другую точку зрения представляет С.Р. Решетняк, который сосредотачивает внимание на недостатках нормативной базы, регулирующей порядок определения размера убытков. С позиции С.Р. Решетняка, основная проблема совершенствования механизма возмещения убытков кроется в устаревшем характере нормативно-правовой базы, регулирующей порядок определения размера убытков. Автор подчеркивает, что «ключевой акт, на основании которого осуществляется расчет убытков, в определенной степени

следует считать устаревшим, поскольку он был принят еще в советское время» [15, с. 13].

С точки зрения С.Р. Решетняка, существенное значение имеет тот факт, что действующая Временная методика определения размера убытков изначально создавалась как временный документ, что существенно ограничивает её регулятивный потенциал. Ученый отмечает, что «именно по этой причине, в тексте содержится положение о том, что профильные ведомства могут создавать внутриведомственные методики определения размера убытков, исходя из особенностей регулирования их сферы деятельности» [15, с. 13].

По мнению С.Р. Решетняка, существующая ситуация приводит к тому, что «сам основополагающий документ не берет на себя функцию единственного и не предусматривает требования единообразия применения содержащихся в Методике определения размера убытков правил» [15, с. 13]. Это создает значительные трудности в правоприменительной практике и не способствует формированию единообразного подхода к определению размера убытков.

С.Р. Решетняк акцентирует внимание на том, что произошедшие изменения в сфере гражданско-правового регулирования и экономических отношений не нашли должного отражения в действующей методике. Исследователь подчеркивает, что «их стало больше, и они однозначно стали сложнее. Но в документе данные изменения фактически не учтены» [15, с. 13].

Принципиальное значение, как указывает С.Р. Решетняк, имеет то обстоятельство, что в современных условиях суд вынужден брать на себя несвойственные ему функции. Ученый отмечает, что «суд становится не просто сторонним арбитром, который принимает или отвергает представленные доказательства, но и берет на себя функцию заявителя по обоснованию размера возмещения» [15, с. 14].

С.Р. Решетняк предлагает конкретное решение выявленных проблем: «произвести переоценку Методики определения размера убытков и принять ей

на смену более современный, согласующийся с существующими экономическими и правовыми реалиями акт» [15, с. 14].

По нашему мнению, позиция С.Р. Решетняка заслуживает поддержки в части необходимости модернизации нормативно-правовой базы, регулирующей механизм определения размера убытков. Действительно, современные экономические отношения значительно усложнились, появились новые формы деловых связей и типы убытков, которые требуют адекватного правового регулирования. Вместе с тем, представляется, что простая замена существующей методики новым документом может оказаться недостаточной мерой. Целесообразным видится комплексный подход, включающий не только обновление методики, но и разработку детализированных отраслевых стандартов определения убытков, учитывающих специфику различных сфер экономической деятельности, а также создание механизма их регулярной актуализации в соответствии с изменяющимися экономическими реалиями.

В контексте вышеизложенных позиций, актуальным представляется обобщение основных направлений совершенствования механизма возмещения убытков.

По нашему мнению, анализ современной правоприменительной практики и доктринальных исследований позволяет выявить ряд существенных проблем в механизме возмещения убытков, требующих комплексного решения. В первую очередь обращает на себя внимание устаревший характер нормативно-правовой базы, регулирующей порядок определения размера убытков, что особенно ярко проявляется при рассмотрении сложных экономических споров. Временная методика определения размера убытков, созданная еще в советский период, не отвечает современным реалиям и создает значительные трудности в правоприменительной практике.

Существенной проблемой также является отсутствие единообразного подхода к определению состава возмещаемых убытков, особенно в ситуациях, когда восстановительные работы производятся силами штатных сотрудников

потерпевшей стороны. Судебная практика демонстрирует противоречивые позиции относительно включения в состав убытков расходов на оплату труда работников и связанных с этим накладных расходов, что существенно затрудняет реализацию принципа полного возмещения убытков.

Представляется необходимым разработать новую комплексную методику определения размера убытков, которая учитывала бы современные экономические реалии и многообразие форм деловых отношений. Такая методика должна включать четкие критерии определения состава возмещаемых убытков, механизмы оценки упущенной выгоды и принципы установления причинно-следственной связи между противоправным поведением и возникшими убытками. При этом особое внимание следует уделить разработке отраслевых стандартов, учитывающих специфику различных сфер экономической деятельности.

Важным направлением совершенствования механизма возмещения убытков должно стать развитие института судебной экспертизы в части определения размера убытков. Необходимо разработать единые методологические подходы к проведению экспертных исследований, что позволит повысить объективность и обоснованность экспертных заключений. Кроме того, целесообразно предусмотреть механизм регулярной актуализации методик проведения экспертиз с учетом развития экономических отношений и появления новых форм убытков.

По нашему мнению, реализация предложенных мер позволит существенно повысить эффективность механизма возмещения убытков и обеспечить более полную защиту прав потерпевшей стороны. При этом важно подчеркнуть, что совершенствование данного механизма должно осуществляться с учетом баланса интересов всех участников гражданского оборота и не должно создавать предпосылок для злоупотребления правом. Комплексный подход к решению выявленных проблем позволит сформировать современную и эффективную систему возмещения убытков,

отвечающую потребностям развивающейся экономики и обеспечивающую справедливую защиту нарушенных прав

Представим выводы по третьей главе исследования. В ходе исследования выявлено, что современная реализация принципа полного возмещения убытков сталкивается с существенными практическими трудностями. Наиболее острыми являются проблемы включения в состав убытков расходов на оплату труда штатных сотрудников при проведении восстановительных работ, сложности определения размера убытков при защите прав потребителей в случаях последующей перепродажи товара, а также отсутствие единообразного подхода к определению обоснованной стоимости восстановительного ремонта.

Анализ правоприменительной практики позволяет констатировать, что действующая Временная методика определения размера убытков, созданная в советский период, не отвечает современным экономическим реалиям и требует кардинального обновления. Представляется необходимым разработать новую комплексную методику, учитывающую многообразие современных форм деловых отношений и включающую четкие критерии определения состава возмещаемых убытков. При этом ключевым элементом такой методики должна стать система отраслевых стандартов, позволяющих учитывать специфику различных сфер экономической деятельности при расчете убытков.

Существенным направлением совершенствования механизма возмещения убытков должно стать развитие института судебной экспертизы в части определения их размера. Необходима разработка единых методологических подходов к проведению экспертных исследований, что позволит повысить объективность и обоснованность экспертных заключений. В качестве важного элемента предлагается внедрить механизм регулярной актуализации методик проведения экспертиз, учитывающий развитие экономических отношений и появление новых форм убытков, что обеспечит гибкость и эффективность всей системы возмещения убытков в целом.

Заключение

В результате проведенного исследования правовой природы принципа полного возмещения убытков выявлено, что данный институт прошел значительную эволюцию от доктринального понимания к полноценному законодательному закреплению, при этом сохранив свою фундаментальную роль в обеспечении баланса интересов участников гражданского оборота. Современное состояние принципа характеризуется его комплексной природой, объединяющей компенсационную, превентивную и стимулирующую функции, что находит отражение как в положениях ГК РФ, так и в актуальной судебной практике. Принципиально важным является установленное исследованием соотношение между реальным ущербом и упущенной выгодой как составляющими элементами убытков, а также выявленная тенденция к расширению толкования реального ущерба с включением в него будущих расходов, необходимых для восстановления нарушенного права.

Анализ соотношения принципа полного возмещения убытков с иными принципами возмещения вреда показал их сложную системную взаимосвязь, особенно в контексте внедоговорных отношений и нового института возмещения потерь. Исследование выявило существенные различия в реализации принципа полного возмещения при договорном и внедоговорном вреде, а также обнаружило необходимость унификации подходов к возмещению внедоговорных убытков. Особую значимость приобретает выявленное взаимодействие принципа полного возмещения убытков с принципами справедливости, добросовестности и недопустимости неосновательного обогащения, что проявляется в установлении пределов возмещения и распределении бремени доказывания между сторонами. При этом важнейшим практическим результатом исследования стало обоснование недопустимости отказа во взыскании убытков исключительно по причине

сложности определения их точного размера, что существенно расширяет возможности защиты прав участников гражданского оборота.

Проведенное исследование правовых механизмов определения и доказывания убытков выявляет фундаментальные проблемы реализации принципа полного возмещения в гражданском праве России. Центральным вопросом остается обеспечение не номинального, а реального восстановления имущественного положения потерпевшего, что требует согласованного функционирования материально-правовых и процессуальных институтов. Особенно актуальными становятся процессуальные инструменты, компенсирующие разрыв между моментом присуждения денежных средств и их фактическим получением в условиях инфляции, включая институт индексации присужденных сумм и применение обеспечительных мер. Современные вызовы цифровизации существенно усложняют проблематику, приводя к расширению предмета доказывания и необходимости формирования новых критериев достоверности цифровых доказательств. Механизм заранее оцененных убытков, в отличие от неустойки, представляет собой эффективный инструмент превентивного определения размера потерь, устраняющий необходимость доказывания их размера, однако вопрос о пределах судебного контроля за справедливостью таких оценок остается дискуссионным.

Принцип полного возмещения убытков, несмотря на его формальную универсальность, имеет существенные ограничения в применении, обусловленные как объективными правовыми факторами, так и сложностями доказывания. Важнейшими барьерами выступают необходимость установления причинно-следственной связи между правонарушением и убытками при отсутствии единых критериев такой связи, а также обязанность доказывания вины нарушителя. Особую специфику имеет применение данного принципа при недействительности сделок, где возмещение убытков выступает как внедоговорная ответственность, отличная от деликтной, и часто ограничивается только реальным ущербом. В контексте деятельности

агрегаторов услуг и других субъектов цифровой экономики необходима разработка специальных методик расчета убытков, учитывающих многоаспектный характер возможного ущерба. Эволюция института возмещения убытков демонстрирует движение от требования абсолютной достоверности к признанию разумной степени достоверности при определении их размера, что находит отражение как в законодательстве (п. 5 ст. 393 ГК РФ), так и в судебной практике. Оптимальный баланс в данной сфере должен строиться на признании приоритета договорных механизмов с сохранением за судом функции контроля в исключительных случаях нарушения принципов справедливости.

В ходе исследования выявлено, что современная реализация принципа полного возмещения убытков сталкивается с существенными практическими трудностями.

Наиболее острыми являются проблемы включения в состав убытков расходов на оплату труда штатных сотрудников при проведении восстановительных работ, сложности определения размера убытков при защите прав потребителей в случаях последующей перепродажи товара, а также отсутствие единообразного подхода к определению обоснованной стоимости восстановительного ремонта.

Особое значение приобретает позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 31 января 2025 г. № 4-П, которая существенно расширила возможности защиты прав пострадавших в сфере возмещения вреда здоровью.

Анализ правоприменительной практики позволяет констатировать, что действующая Временная методика определения размера убытков, созданная в советский период, не отвечает современным экономическим реалиям и требует кардинального обновления. Представляется необходимым разработать новую комплексную методику, учитывающую многообразие современных форм деловых отношений и включающую четкие критерии определения состава возмещаемых убытков. При этом ключевым элементом

такой методики должна стать система отраслевых стандартов, позволяющих учитывать специфику различных сфер экономической деятельности при расчете убытков.

Существенным направлением совершенствования механизма возмещения убытков должно стать развитие института судебной экспертизы в части определения их размера.

Несмотря на законодательное закрепление принципа полного возмещения убытков, его практическая реализация сталкивается с объективными ограничениями как экономического, так и правового характера. Реальность достижения полного возмещения убытков зависит от множества факторов: возможности точного установления размера убытков, платежеспособности должника, эффективности исполнительного производства. Законодатель обоснованно предусматривает возможность ограничения размера ответственности в определенных случаях (перевозка, хранение), что отражает необходимость баланса между полной компенсацией и экономической эффективностью правового регулирования.

Целесообразность полного возмещения должна оцениваться с учетом баланса между справедливой компенсацией потерь потерпевшего и необходимостью обеспечения стабильности и предсказуемости гражданского оборота.

Необходима разработка единых методологических подходов к проведению экспертных исследований, что позволит повысить объективность и обоснованность экспертных заключений. В качестве важного элемента предлагается внедрить механизм регулярной актуализации методик проведения экспертиз, учитывающий развитие экономических отношений и появление новых форм убытков, что обеспечит гибкость и эффективность всей системы возмещения убытков в целом.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аванесян М.А. Проблематика определения убытков по предварительному договору и его правовая природа // Право и управление. 2025. №1. С. 367-370.
2. Афанасьева Н. К. Возмещение убытков как форма гражданско-правовой ответственности // Актуальные вопросы юридических наук: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, декабрь 2021 г.). – Казань: Молодой ученый, 2021. – С. 6-11.
3. Белоликов А.И. Заранее оцененные убытки // Юрист. 2024. № 12. С. 2 – 9.
4. Гаскарова Л. Д., Давудов Д. А. Гражданско-правовая ответственность агрегаторов услуг // Вестник науки. 2024. №12 (81). С. 145-151.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «Консультант Плюс».
6. Гурьев О.П. Применение обеспечительных мер при рассмотрении заявления об индексации присужденных денежных сумм // Юридическая наука. 2022. №12. С. 33-36.
7. Дегтярев С.Л., Андреев А.В. Новые вопросы доказывания убытков в условиях цифровизации // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 9. С. 33 – 38.
8. Еременко Д.Е. Развитие правового регулирования возмещения убытков в случае признания сделки недействительной // Юридическая наука. 2022. №11. С. 24-27.
9. Макаров О.В. Принципы возмещения убытков: содержание и соотношения // Адвокатская практика. 2022. № 4. С. 14 – 17.
10. Морозов О.А. О некоторых аспектах взыскания убытков при защите интересов предприятий (на примерах из судебной практики) // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020. № 5. С. 21 – 27.

11. Определение Верховного Суда РФ от 22.11.2023 № 305-ЭС23-17347 по делу № А40-159859/2022 // СПС «Консультант Плюс».
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.08.2024 № 46-КГ24-10-К6 (УИД 63RS0019-01-2022-000772-50) // СПС «Консультант Плюс».
13. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19.12.2022 № Ф10-5595/2022 по делу № А36-6992/2020 // СПС «Консультант Плюс».
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2025 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 1085 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Ромаданова» // СПС «Консультант Плюс».
15. Решетняк С.Р. Актуальные вопросы реализации гражданско-правового института возмещения убытков в современном российском праве // Вестник экспертного совета. 2024. №2 (37). С. 77-86.
16. Самичева Д. А. Особенности правового регулирования возмещения убытков договорных обязательствах // Символ науки. 2020. №12-2. С. 59-62.
17. Смаков В.М. Понятие убытков: деконструкция их определения как меры ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. №4. С. 84-95.
18. Хантимирова А.А. Принцип точной защиты в контексте возмещения потерь на основании ст. 406.1 ГК РФ // Вестник арбитражной практики. 2023. № 6. С. 95 – 101.
19. Ходырева Е.А. Проблемы возмещения убытков при одностороннем отказе наследодателя от наследственного договора // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. Экон. и право. 2025. №2. С. 341-347.
20. Храпунова Е.А. Поиск модели применения заранее оцененных убытков в российском правопорядке // Юрид. наука. 2023. №4. С. 192-199.

21. Чепурина Н.Е. Особенности рассмотрения судами дел о защите прав потребителей финансовых услуг // Символ науки. 2025. №4-2. С. 181-187.
22. Чупраков А.А. Расторжение гражданско-правового договора и возмещение убытков: сравнительно-правовой анализ // Теория и практика обществ. развития. 2025. №7. С. 260-265.
23. Шадрина Е.Г. Некоторые вопросы возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов предварительного следствия // Ленингр. юрид. журн. 2025. №1 (79). С. 320-339.
24. Шарапова Е.А. Историческое развитие института возмещения убытков в гражданском праве России // Вестник науки и образования. 2024. №1 (144)-1. С. 38-40.
25. Шепель Т.В. Переосмысление назначения института обязательств из причинения вреда в современных условиях // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2021. №42. С. 188-200.